

Баракы – печальный символ советской власти

Термин «Барак», особенно хорошо известный (увы!) в нашей стране людям старшего поколения, происходит от итальянского «baracca», что означает в переводе временное, быстро возводимое, дешёвое строение. При этом, как правило, одноэтажное и деревянное. Во Франции до конца XVII века бараками назвались также временные армейские казармы. Во время Севастопольской обороны в России по идее знаменитого доктора С.П.Боткина были устроены специальные госпитальные бараки. Идея оказалась очень удачной в санитарном отношении ввиду из-за хорошей вентиляции и возможности эффективно изолировать большое количество инфекционных больных. Поэтому к концу XIX века стали распространяться больницы, устроенные по барачной системе¹.

В дальнейшем бараки устраивались также и в лагерях для военнопленных, а в XX веке – и в концентрационных лагерях. С началом индустриальной эпохи бараки появились в фабричных поселках. В СССР бараки были одним из основных типов жилья рабочих до начала массового жилищного строительства в 1960-х. Особенно много барачных было в новых индустриальных городах СССР, где строились крупные заводы, а также на Севере и в Сибири. В Свердловске первые бараки в большом количестве появились с началом строительства «завода заводов» – «Уралмаша» в 1929 году. (В одном из таких барачных в 1931 году вместе со всей семьей – женой и шестью детьми – вселился дед автора данной статьи, бежавший из деревни от голода, вызванного коллективизацией.)

Не вдаваясь в архитектурно-технические подробности внутреннего устройства барачных (а оно было различным для разных регионов и климатических зон), отметим их главную известную всем отличительную особенность – минимум самых необходимых для проживания людей удобств. Из всего перечня этих удобств в барачном было только отопление, сначала –

¹ Википедия-свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%C1%E0%F0%E0%EA> (дата обращения: 20.01.2010).

печное, а впоследствии – водяное. Естественно, что этот минимум комфорта был прямым следствием простоты и дешевизны барачных построек. Также естественно, что бараки не могли не появиться в огромном количестве в «первой стране победившего социализма» на фоне экономической разрухи 1920–1930-х годов.

В период Великой Отечественной войны основная масса построенного жилья (а всего за 1941–1945 годы в области его было построено 980 тыс. м²)² носила так называемый «временный» характер – это были либо бараки, либо так называемые «строения каркасно-барачного типа». Наверное, именно тогда и родилась в народе поговорка, гласящая, что нет ничего более постоянного, чем временное жилье. Но и барачных катастрофически не хватало. На областном совещании строителей, состоявшемся в Свердловске в июне 1946 года, прямо говорилось, что «на ряде наших предприятий многие тысячи рабочих живут в общежитиях с 2-х ярусной системой. При норме 6 кв. м на человека в ряде городов и поселков имеется 2,5–3 кв. м на человека, а на таком крупном заводе, как Новотагильский металлургический, – 2,1 кв. м, на коксохимическом заводе – 2 кв. м, **а есть еще хуже**» (выделено нами. – *В.М.*)³.

Численность барачных бараков стала постепенно сокращаться только со второй половины 1950-х годов по мере развертывания в стране массового жилищного строительства. Наступал новый этап – бараки уступали место другому поколению дешевого жилья, так называемым «хрущевкам». Но при этом еще не делался акцент именно на «барачной» проблеме. Как таковая она была признана только в 1967 году, когда вышли в свет посвященные ей постановления Совета Министров РСФСР № 807 и 848. В Свердловской области начало решения этой проблеме следует отнести к началу 1970-х годов, когда состоялось первое совместное решение обкома КПСС и Облисполкома № 36 от 30 апреля 1971 года. На эту дату в области было 2 315 барачных бараков полезной

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.4. Оп. 43. Д.197. Л.107.

³ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 41. Д.138. Л.16.

площадью 910 тыс. м², в которых проживало 90 тыс. человек. К этим цифрам следует добавить и 28 тыс. м² подвального жилья⁴.

При этом в первую очередь предполагалось ликвидировать барачный жилой фонд в строительных организациях Главсредуралстроя к конкретному сроку – 1973 году. Решение задачи, как водится, затянулось: даже к 1977 году имели на своем балансе бараки такие строительные организации, как Свердловский ДСК – 1, трест № 88 (Нижний Тагил) – 3, трест «Тагилстрой» – даже 40 барачков⁵. Но нельзя не сказать, что в целом проблема решалась, и довольно быстро. В том числе и с привлечением средств союзных министерств и ведомств – они предоставили области дополнительно 4 млн 800 тыс. рублей⁶.

Всего в Свердловской области в 1971–1976 годах было ликвидировано 1 620 барачков и почти 12 тыс. м² подвального жилья. Таким образом, полезная площадь барачков сократилась в 3,5 раза и составляла всего 0,7 % от государственного жилого фонда. А в таких городах, как Асбест и Полевской, а также в Алапаевском, Верхотурском и Шалинском районах барачный жилой фонд был ликвидирован полностью. Об этом же рапортовали и некоторые крупные предприятия: Каменск-Уральский металлургический завод, трест «Уралалюминстрой», Красногорская ТЭЦ, завод «Строймонтажкранструкция» и другие. В результате к началу 1971 года в Свердловской области оставалось 695 барачков общей площадью 271 тыс. м² и 16 тыс. м² подвалов⁷.

Правда, к этим официальным данным следует относиться с известной осторожностью – нередко «ликвидация» барачков осуществлялась путем некоторой «модернизации» жилья. Не зря в одном из документов обкома партии прямо говорилось, что «Мало внимания уделяется переоборудованию и переводу барачков в жилые дома поквартирного заселения с повышением степени благоустройства». Кроме того, бараками не считались (видимо, для улучшения статистики) двухэтажные деревянные дома «каркасно-барачного

⁴ ЦДООСО. Ф.4. Оп.88. Д.238. Л.1.

⁵ Там же. Л.7.

⁶ Там же. Л.1.

⁷ Там же. Л.3–4.

типа». (Автор данной статьи как раз родился и провел свое детство именно в таком доме по ул. Селькоровской, 16 на Вторчермете. Вся его «модернизация» закончилась проведением газа еще в 1960-х годах. Дом был снесен только уже в нашем веке.)

Население области, естественно, приветствовало снос барачного жилья и жаждало переезда в новые квартиры с горячей водой, ванной, газом и другими атрибутами цивилизованного жилья. Поэтому любая задержка в этом процессе вызывала недовольство. В связи с этим в 1976 году количество жалоб и заявлений, поступивших в обком КПСС от граждан, проживающих в бараках и подвалах, увеличилось почти в 3 раза по сравнению с 1974-м годом⁸. Целый ряд граждан обращались и выше – в ЦК КПСС и Верховный Совет страны.

И жаловаться было на что. В области нередкими были случаи искажения отчетности и очковтирательства. Например, руководство Новолялинского целлюлозно-бумажного комбината еще в 1970 году отчиталось о сносе барака № 33 по ул. Пионеров, в то время как указанное строение просуществовало до 1977 года – после отселения в нем снова разместили уже другие семьи. Подобные случаи были отмечены в Свердловске, Нижнем Тагиле, Каменске-Уральском, Невьянске и других городах и районах⁹.

Систематически также не исполнялось решение Облисполкома № 10 141 от 23 декабря 1974 года о выделении 50 % жилой площади для отселения граждан из барачного и подвального жилого фонда. Например, в Первоуральске из 125,8 тыс. м² полезной площади, введенной в строй городскими предприятиями и организациями в 1971–1976 годах, для переселенных из бараков и подвалов было выделено только 31 тыс. м² или 24,6 %. В Каменске-Уральском для этой вообще было выделено 8,7 % жилья. В результате в целом по области в 1975–1976 годах под отселение было выделено всего 19,6 % полезной площади вводимых домов¹⁰.

⁸ ЦДООСО. Ф.4. Оп.88. Д.238. Л.8.

⁹ Там же. Л.6.

¹⁰ Там же. Л.7.

Быстрее всего барачный фонд ликвидировался в двух самых крупных городах области – Свердловске и Нижнем Тагиле. Так, в Свердловске за 1971–1976 годы было снесено более 220 тыс. м² барачного жилья, из которого было переселено в благоустроенные квартиры более 24 тыс. жителей. Темпы сноса были довольно высокими: в 1971 году было снесено 37, в 1972 – 63, в 1973 – 65, в 1974 – 88, в 1975 – 87 и в 1976 – 105 бараков¹¹. В 1976 году бюро Свердловского горкома КПСС и горисполком трижды рассматривали вопрос о ходе сноса бараков с приглашением руководителей предприятий и организаций, имеющих барачный жилой фонд. При этом в пример ставились руководители таких предприятий, как Уралмашзавод, Турбомоторный завод, завод Электроавтоматики, завод Электроугли, трест Свердловскпромстрой, и другие. А в Нижнем Тагиле в эти же годы было снесено 168 бараков – 49 тыс. м² жилой площади¹².

В результате было принято решение о полной ликвидации бараков в крупных городах уже в 1977 году. Но, как это часто бывает, не везде все шло гладко. Например, в 1976 году совсем не производили снос бараков такие города, как Ивдель, Ирбит, Карпинск, Камышлов, Кушва, Тавда, а также такие районы, как Артинский, Новолялинский, Пригородный, Сысертский, Туринский и Пышминский. В одном из документов обкома партии отмечалось также, что «Не принимают действенных мер по ликвидации барачного и подвального жилого фонда Управление хлебопродуктов облисполкома, Управление Свердловской железной дороги, Уральский алюминиевый завод, рудник имени III Интернационала в Нижнем Тагиле и другие предприятия. Например, на балансе Уральского алюминиевого завода на начало 1977 года имелось 7 бараков площадью 3 000 м². На балансе Управления Свердловской железной дороги только в Свердловске находится 27 бараков общей площадью 10 000 м², а в целом по области за дорогой числится 36 бараков¹³».

¹¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп.88. Д.238. Л.1–2.

¹² Там же. Л.4.

¹³ Там же. Л.5.

В 1977 году намечалось ликвидировать 373 барака площадью 149 тыс. м². Однако, учитывая допущенное в 1976 году отставание, это количество было увеличено до 600 бараков площадью 235 м². Оставшиеся 36 тыс. м² переходили на 1978 год. Этот год и считается официальной датой ликвидации барачного жилья в Свердловской области¹⁴. А вот верить этому или нет – право нашего читателя.

¹⁴ ЦДООСО. Ф.4. Оп.88. Д.238. Л.8.